

Ал. Димидов

роман

Маджента

Александр Димидов

Маджента

«Издательские решения»

Димидов А.

Маджента / А. Димидов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962470-3

1868 год. Сантьяго-де-Куба. Убегая от войны, карточный шулер и ловелас Кристобаль Алиендэ оказывается в разграбленном поместье с детьми из сиротского приюта. Удастся ли им выжить? Авантюрный роман и одновременно проникновенная семейная сага об исчезнувшем сигарном бренде, когда-то покорившем миллионы.

ISBN 978-5-44-962470-3

© Димидов А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	12
IV	15
V	18
VI	21
VII	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Маджента

Александр Димидов

© Александр Димидов, 2019

ISBN 978-5-4496-2470-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ces retraites ombreuses sont les rendez-vous
de éclopés de la vie.¹

Charles Baudelaire. Le Spleen de Paris.

Un bon point, Supo. A force de regarder par les
trous de serrure, vous êtes devenue voyante²

Jean Anouilh. Ornifle ou le courant d'air.

¹ Эти тенистые убежища – место встречи для всех, искалеченных жизнью. *Шарль Бодлер. Парижский сплин* (пер. с франц. Т. Источниковой).

² Вы правы, Сюпо. Вы так долго подглядывали в замочную скважину, что стали ясновидящей. *Жак Ануй. Орнифль, или Сквозной ветерок* (пер. с франц. С. Тархановой).

I

Инспектор Густаво Барилья прибыл в Пинар-дель-Рио в конце июня 1868 года, через неделю после покушения. К тому времени местная полиция успела провести дознание и задержать стрелка, а также двух его подельников. Небывалое проворство для провинциальных стражей. Барилья остановился в Гранд Отеле и следующим утром покинул номер в поисках пристойного кофе. Кто-то порекомендовал ему кондитерскую Жака Дорре. Отыскав ее в двух кварталах, он оказался в приятной прохладе светлого помещения с высокими потолками и лепниной на стенах. Дама перед ним заказала заварных пирожных. Взгляд инспектора упал на картинно выставленный в витрине медовый торт, из которого удалили четверть, и развернули таким образом, чтобы соблазнять покупателей многослойной начинкой. Нежно коричневые коржи чередовались с молочно-желтым кремом. Этот ракурс напомнил инспектору картину Боттичелли, где в виде разреза перевернутого конуса был изображен ад. Воронка, заполненная грешниками и их рогатыми палачами. От лимба в верхнем – для самых невинных – до отпетых предателей в последнем, девятом кругу. Ниже которого располагался только вросший в вечный лед Люцифер.

Барилье было пятьдесят два года. Первым делом он ознакомился с рапортом. В деле говорилось, что дон Хоакин Салидо де Эстрадес, хозяин табачной компании, был ранен из револьвера выстрелом в спину, когда возвращался после конной прогулки вечером, неподалеку от своего имения в Хато де Ла Крус. Рана оказалась серьезной. Удержавшись в седле, он еще проехал некоторое расстояние. Но затем лишился чувств. И умное животное, приученное к обратной дороге, протащило его по земле, с застрявшей в стремени ступней, добрую четверть мили.

Раненого обнаружил слуга. Полицию вызвал мажордом, отправив посыльного. Поговорить с потерпевшим так и не удалось, поскольку он не приходил в себя. Врачи, местные и специально приехавшие из Гаваны, охарактеризовали его состояние как крайне тяжелое.

Инспектор осмотрел улики и потребовал устроить встречу с арестованными. Вначале он побеседовал с Аугусто Кальвой, который незадолго до покушения продал Доминику Суаресу краденный револьвер. Затем с Пэдро Диасом, надоумившим и подстрекавшим своего друга Суареса совершить справедливое возмездие за поруганную супружескую честь. И только потом он велел привести в комнату для допросов самого Доминика.

Вольнонаемный на одной из плантаций Эстрадеса, тот, как и многие, знал о неумных нравах своего патрона. Но одно дело – совокупляться с рабынями, своими и своих соседей фермеров. И совсем другое – повадиться с ухаживаниями к свободной женщине, которая, к тому же, давно замужем. Барилья со многим соглашался, многое говорил вместо арестанта. Но, в конце концов, не почувствовал самого главного – хребта и боли. Доминик был растерян. Чувствовалось, что его здорово обработали во время первого допроса. Он готов был согласиться на все, что ему предложат. Но в нем не было ни затаенной злобы и скорби по поводу предательства жены. Ни моральной силы, необходимой, чтобы спустить курок. Тогда Барилья попросил его описать все, что произошло в тот вечер, как он помнил.

Картина получилась следующая. Суарес повздорил с Диасом во время пятничного застолья в трактире «Три топора». Последний оскорбил дочь хозяина, не отвечавшую на его послы. Доминик вступился. Оба были пьяны. Диас в отместку бросил хлесткую фразу о всех женщинах и, решив усилить, прилюдно посоветовал Доминику поскорее отправляться домой, чтобы посмотреть, чем по вечерам занимается его женушка с хозяином плантации.. За что получил отменный левый хук в челюсть. Все знали, что дон Эстрадес обычно вооружен, поэтому, оказавшись на подворье, Доминик прежде достал револьвер, спрятанный в сарае, а затем вошел в дом. Он опоздал. Жена стыдливо потупилась. За окном послышалось приглушенное ржание

и топот копыт. Суарес бросился на улицу. Он увидел силуэт удаляющегося всадника и выстрелил, не раздумывая, шагов с тридцати. Он так и не понял, попал ли. Испуганная лошадь понеслась галопом. Он вернулся в дом. И жестоко избил жену

Барилья взял извозчика и снова отправился в Хато де ла Крус, надеясь повидаться с раненым. Увы, к постели его не пустили. Дон Эстрадес постоянно бредил, а в те редкие минуты, когда к нему возвращалось сознание, просил пить и задыхался. Врач жил в соседних покоях. От него Барилья узнал, что пуля прошла навывлет. Она пробила лопатку, порвала легкое и раздробила ребро. Он потерял много крови. Вдобавок ко всему, множество ушибов мягких тканей на спине и перелом латеральной лодыжки усугубляли и без того плачевное состояние. Ни врач, ни его знаменитые коллеги не решались что-либо обещать.

Затем инспектор поговорил с мажордомом и челядью. Конюх подтвердил, что грива любимой лошади хозяина и его дорогое седло были залиты кровью, когда она вернулась в поместье. Ей и самой досталось. Кожа на шее была распорота, как будто ее наотмашь хлестнули розгой. Барилья попросил показать ему животное. Он осмотрел смазанный особой мазью, только начавший рубцеваться косой шрам и, поблагодарив, вернул фонарь конюху.

В департаменте полиции Пинар-дель-Рио к изысканиям заезжего инспектора отнеслись с хорошо вуалируемой неприязнью. В кои веки удалось раскрыть преступление, что называется, по горячим следам, а вместо поздравлений столица прислала к ним ищейку. Да еще старика, без пяти минут в отставке. Полицейские щедро перемывали ему кости, когда на улице, совсем рядом, слышались выстрелы. Они бросились вон, на бегу доставая оружие.

Барилья стоял во внутреннем дворе перед освежеванной тушей трехмесячного поросенка, подвешенной за крюк на каменном заборе. В его руке дымился проходивший по делу Суареса карманный Кольт Рут 55 года. Модель номер семь, калибр 28. Инспектор только что выпустил три из четырех оставшихся в барабане пуль. Не смотря на расстояние всего в семь шагов, обошлось без выходных отверстий. Стенка позади туши осталась девственно чиста.

Он отыскал дом Суареса и, поскольку никого не застал, отпустил экипаж, а сам отправился по направлению к плантации Эстрадеса. Большой частью путь лежал между полей. Но затем с левой стороны потянулись заросли акаций и мате. Они стали гораздо гуще, когда миновал ложбину, дорога повернула направо, оставив за спиной, рошу на холме. Туда и поспешил Барилья. Шагах в двадцати от дороги он увидел каменный валун, застывший на склоне поросшего кустарником холма. Инспектор присел отдышаться. Осмотрелся вокруг. Подобрал с земли старый сигарный окурок. Узкая тропа справа от камня вела в чашу и, сделав несколько шагов, Барилья увидел небольшую прогалину. У одного из деревьев нижняя ветка была сломана, а на земле остались следы копыт и конский навоз. Он вернулся к камню. Отсюда дорога внизу лежала, как на ладони. После поворота всадник, все время находившийся в профиль к зарослям, впервые оказывался к ним спиной и несколько минут двигался по ровной местности. Идеальное место для выстрела.

Косой – сверху вниз – шрам на шее лошади говорил о том, что стрелявший находился на возвышении. И разумеется, ни один револьвер не мог нанести урон, который был по силам только ружейной пуле. Барилья прикинул примерную траекторию, спустился вниз и до первых сумерек шарил в табачных междурядьях. Однако кусок деформированного свинца так и не нашел.

Вполне возможно, допустил он, что те, кто обеспечили оружием Суареса и подначивали его в нужный момент, могли посадить стрелка за валуном для подстраховки. Маршрут Эстрадеса и время были известны. Но для того, чтобы найти заговорщиков, нужно было понять их мотивы.

Дон Хоакин Салидо де Эстрадес прибыл на Кубу зеленым юнцом. Первое время он работал у Жаме Санчеса, владельца небольшой табачной плантации и нескольких цехов в Гаване. От него Хоакин научился азам ведения дел. После чего нанялся к астурийцу Мигелю Лавиаде.

Если Санчес занимался культивированием табака и его доставкой в Испанию, то Лавиада имел фабрику по производству сигар и собственный сигарный бренд. Первые годы в кампании Лавиады Эстрадес провел за столом крутильщика и, по слухам, достиг необычайного мастерства. Астуриец заметил способного юношу. Он перевел его в сортировщики, затем в инспекторы по качеству и так постепенно продвигал по карьерной лестнице, открывая все больше профессиональных секретов. Пока, в 1838 году, Эстрадес с партнером не основали собственный табачный магазин, склад, а затем прикупили участок в Хато де ла Крус, в благословенных табачных землях Вуэльта Абахо.

Быть может, Лавиада ответил бы улыбкой на дерзость своего бывшего протеже. Ему нравились храбрые молодые испанцы. Однако, чего он совсем не ожидал, так этого того, что Эстрадес замахнется на самое святое – его табачную марку. Начался судебный процесс. Тяжба длилась более пяти лет. В результате, суд вынес решение в пользу Лавиады. Но благодаря вниманию прессы, популярность сигар Эстрадеса выросла, как на дрожжах. Поэтому, он, повинувшись решению суда, отказался от чужого бренда с легким сердцем. И тут же основал собственный – «Флорес ди Эстрадес» Продолжая доедать пирог, когда-то принадлежавший астурийцу.

К концу пятидесятих годов дон Хоаким Салидо де Эстрадес превратился в одного из самых богатых и влиятельных табачных баронов на Кубе. Он обладал десятью тысячами акров земельных угодий, имел три табачных фабрики, торговый дом и представительства почти во всех европейских столицах. На него работали тысячи рабов и десятки тысяч наемных служащих. Ему нравилось занимать важные общественные посты, входить на правах председателя в правления попечительских обществ. Все это увеличивало его славу и влияние. Он нанял известного английского архитектора, который выстроил ему в Хато де ла Крус огромную виллу, не хуже императорского дворца. Он имел связи на самых верхах как в Гаване, так и в Мадриде, и когда губернатор провинции, в ответ на жалобу одного из фермеров, издал предписание отказаться от участка, на который Эстрадес беспардонно наехал, дон Хоаким размашистым почерком начертил гусиным пером поверх губернаторского указа «*Importa una mierda*»³

Он был хитер, жаден и похотлив, как павиан. Люди его достатка и положения выписывали самых изысканных куртизанок из Европы. Дон Эстрадес прихodoвал местных рабынь, как собственных, так и соседских, работниц своих фабрик и, вообще, считал допустимым взять любую женщину по праву земли. Его не останавливал не собственный брак, ни чужие узы. Из неумного сатира он мог превратиться в изысканного ловеласа, если предмет того стоил. Но там, где можно было обойтись без церемоний, Эстрадес предпочитал действовать нагло, быстро, не считаясь с приличиями.

От обманутых бывших патронов, партнеров, соседей-фермеров, многочисленных должников, конкурентов по табачной коммерции, до мужей-рогоносцев, униженных сотрудников и просто людей, случайно оказавшихся на пути табачного барона в недобрый час, – очередь недоброжелателей Эстрадеса казалась бесконечной. Похоже, он успел насолить всем. После трех недель расследования инспектор Барилья пришел к неутешительному выводу: стрелять в Эстрадеса мог кто угодно.

Знающие люди в Гаване, едва прослышав о покушении, связали его с отказом Эстрадеса выступить на стороне мятежников с востока. Ходили слухи, что те, якобы, присылали своих эмиссаров, в надежде, что Эстрадес возглавит революционное движение на западе страны и тогда, в назначенный час, Куба вспыхнет повсеместно. К нему прислушивались многие плантаторы. У него хватило бы влияния, связей и средств. Но Эстрадес послал их подальше. Политика его не интересовала. Обладая безразмерным кредитом в Банке Испании, он с большим удовольствием ссужал деньги соседям-фермерам, покупал для них скот, плуги и семена. А затем с не меньшим удовольствием отбирал за долги их земли и дома.

³ (исп.) здесь, «Насрать».

Понимал ли Эстрадес, что поступая таким образом, он играет на руку англичанам, или они использовали его вслепую? Выращивали своего крысиного короля, который передавит всех своих сородичей поменьше и расчистит пространство. При королеве испанской Изабелле Банк Испании настолько погряз в иностранных кредитах, что фактически перешел в собственность богатейших английских родов. И если так, то все земли, отошедшие Эстрадесу, можно было считать английскими.

Барилья не знал, опустился ли табачный барон до последнего – девятого круга. Туда, где вместе с Иудой и Брутом, суждено мучаться государственным изменникам. Многочисленные встречи, на которые обрек себя инспектор в эти несколько недель, привели к тому, что он ощутил переутомление, опустошенность, апатию. И потерял здоровый сон. По ночам лица людей, каждый из которых мог стоять за покушением, выстраивались вокруг него в невообразимой карусели. Они смотрели на него. Они толкали его в спину, а когда он поворачивался, трясли перед ним большими пальцами и смеялись, как ученики валенсийской гимназии сорок лет назад. Помимо них ему снились потные бедра гаванских шлюх, лошадиные морды с глазами на выкате и воздух, настолько жаркий и влажный, что его можно было резать ножом, как желе.

Ранним утром он проснулся от настойчивого стука метрдотеля. В телефонограмме из управления полиции сообщалось, что дон Хоаким Салидо де Эстрадес скончался прошедшей ночью.

II

Если верить семейным преданиям, то первый свой «шедевр» Кристоаль Алиенде создал, когда ему исполнилось три с половиной года. Воспользовавшись тем, что няня задремала, он выбрался из кровати, пересек на четвереньках ковер и в камине, по счастью холодном, подобрал уголек. Закатное январское солнце наполняло комнату необыкновенно мягким светом. На столе благоухала ваза с асфоделиями. И солнечные лучи проецировали ее силуэт на стену, рядом с няней. Кристоаль обвел эту тень углем, не сильно беспокоясь по поводу дорогой драпировки.

В пять он нарисовал первые натюрморты. По-детски, нетвердой рукой. Но весьма точно передавая пропорции и даже пытаясь отразить объемы.

Как и у большинства сверстников его круга, Кристоаль Алиенде получил прекрасное образование. Он родился в богатой семье испанцев, которая иммигрировала на Кубу полвека назад, вложив семейные капиталы в производство сахара. Его отец принял пост председателя акционерного общества от деда и оказался талантливым управляющим. К десятилетнему юбилею своей карьеры он увеличил количество сахарных заводов до одиннадцати, а собственных земель, отведенных под тростник до пяти тысяч акров. Кроме того, семья занималась животноводством и имела некоторые интересы в других сферах кубинской коммерции. В добавок к добротному, в старом стиле, особняку в Гаване, семейству Алиенде принадлежало несколько поместий по всей стране, включая отдаленные провинции на востоке.

Франциско Алиенде, отец Кристоаля, свободно говорил на французском и немецком. В юности он увлекался античностью и даже писал философские трактаты, пытаясь опровергнуть некоторые тезисы Канта. Заметив склонности сына к живописи, отец решил, что настало время пригласить хорошего педагога.

В пестрых зарослях гаванской богемы Артуро Берантес был талантливым баламутом, легким и рассеянным, порывистым и многословным. Но именно он сумел поставить технику мальчика на должный уровень. Уроки обычно проходили в отцовском кабинете. Мольберт находился у окна в сад. Кристоаль дотрагивался грифелем до белого полотна и запускал робкую линию. Едва Берантес, напояженный креол в сергах, чувствовал его сомнение, он касался детской руки своими длинными пальцами и, придавая ей твердость, сообщал верное направление. В эти минуты Кристоаль вспоминал, как они катались на лодке в Центральном парке, и отец, позволял ему, семилетнему мальчишке, держать руки на веслах, а сам прилагал всю свою силу, чтобы вырывать ребристое днище из объятий мутной воды, сходявшейся за кормой и скрипеть уключинами.

– Нет руки, – говорил тихий голос над Кристоалем. – Нет кисти. Нет пальцев. Нет грифеля. Есть только глаза. Твой грифель – зрачок. Когда ты научишься рисовать глазами, ты сможешь рисовать сердцем.

Как только юноше исполнилось шестнадцать, они с отцом отправились в Мадрид. Кристоаль впервые переплывал Атлантику. Путешествие оказалось увлекательным и утомительным одновременно.

Среди мадридских друзей отца был Педро Жозе Пидаль. В Королевской Академии Сан Фернандо он возглавлял Факультет Архитектуры. Отец показал ему рисунки Кристоаля, и академик остался доволен увиденным. Задания, выпавшие Кристоалю на вступительном экзамене, он выполнил блестяще. Фрагмент коринфской капители был воспроизведен со всеми ее завитками, а когда дошло до виноградной лозы, Кристоаль позволил себе смелую выходку. Он не просто отобразил спелые ягоды. Он нарисовал ту же гроздь, но после дождя. Усложнив распределение светотеней и виртуозно передав мерцание дождевых капель.

Сложность состояла в том, что Кристобалью не хватало усидчивости. Много он ловил на лету, и в вопросах композиции ему не было равных. Но архитектура – это не просто зарисовки готических порталов. Когда дело коснулось математики, Кристобаль ощутил себя замурованным в каменной могиле, состоявшей из формул расчета нагрузок на контрфорсы, технического черчения и коэффициентов. Профессор показывал им знаменитый итальянский мрамор, из которого были созданы великие здания и диктовал его физические свойства, а Кристобалью казалось, что это именно тот булыжник, который утащит его на дно. Он стал дерзить. Ему многое прощали в жертву одаренности и какое-то время не выносили сор из избы.

На втором году обучения Кристобаль чувствовал себя в Мадриде как рыба в воде. Он знал уже не только его достопримечательности, но и все значные места. Вдобавок, он был хорош собой. В больших городах взрослеют быстрее. Из робкого юноши, выросшего на Кубе он превратился в молодого мужчину, статного и романтического, полного жизненных соков, которые порою били через край. Редкая модель, из позировавших в Академии, не оказывалась в его постели. Уютная квартира на Плаза дель Конде дель Миранда, снятая отцом, превратилась в студенческий вертеп. И вскоре учеба пошла побоку. Шумные компании, возлияния и соблазнительные девицы окружали Кристобалья сутками напролет. Денег присылаемых из Гаваны вполне хватало, чтобы ни в чем себе не отказывать.

Ему удалось продержаться довольно долго. В письмах домой он врал, что по-прежнему очень загружен, что учеба требует от него напряжения всех сил и искренне жалел о том, что дома потратил столько времени впустую. Вопреки дороговизне столичной жизни, писал Кристобаль, при правильном подходе и распределении, можно довольствоваться всем необходимым. Так длилось до того момента, пока Пидаль, в угоду дружеским узам, не сообщил в письме к отцу, что Кристобаль отчислен и поинтересовался, вернулся ли его сын на Кубу. Вслед за этим Кристобалью пришло ледяное письмо от отца. В скупом, канцелярском тоне он сообщал, что отныне не собирается отправлять в Мадрид ни одного реала, поскольку люди, принимающие взрослые решения, должны быть в состоянии заботиться о себе.

Оказавшись без средств, он попробовал стать портретистом. Вскоре однако выяснилось, что работа с красками требовала глубоких знаний и навыков, которыми Кристобаль, к его сожалению, не обладал. Да, он с невиданной легкостью рисовал скетчи, научившись передавать характер. Но и только.

Эти наброски в скором времени привели его в будуары влиятельных мадридских дам. Высокий широкоплечий кубинец одевался со вкусом, носил трогательную испаньолку, рисовал как бог, нередко приукрашивая достоинства персонажа, и был неуправляемым дьяволом в постели. Он разбивал сердца гроздьями. К его ногам стекались подношения в виде дорогих безделушек, денег и золота. Это была жизнь молодого жиголо, который среди множества благоволивших к нему женщин, зачастую замужних, мог иногда отыскать одну, к которой испытывал взаимные чувства. Остальных он просто использовал. Кристобаль был молод и ретив. У него не было ни времени, ни желания размышлять о морали.

Однажды он почувствовал, что скучает. Бесконечные любовные похождения, вино и бессонные ночи способны были утомить кого угодно. Хуже того, ему показалось, что он теряет вкус. Обворожительные незнакомки напоминали готические соборы с их неуправляемой тягой ввысь, к свету и совершенству. Но стоило приблизиться, разобраться, оказаться внутри – и он просыпался все в том же каменном мешке, где за легким рисунком стрельчатых арок скрывалась немецкая белиберда из чисел и формул, а самая утонченная французская роза была ничем иным, как геометрическим занудством, кусками разноцветного стекла, засиженного голубями. Касаться тонких миров ради того, чтобы рано или поздно превратиться в поршень – как это банально.

III

Он стал играть. Игра давала ему то ощущение остроты, которое он почти утратил в любовных утехах. Близость поражения приятно щекотала нервы. Победа с лихвой окупала риск. Дабы увеличить шансы, он освоил кое-какие приемы шулеров и однажды, будучи пойман, едва не лишился кисти. Эта история подтолкнула его к житейской истине: туз в рукаве, нож за голенищем. Днями напролет он проделывал фокусы с картами, разрабатывая быстроту движений, ловкость пальцев, точность и холодность. А вместе с этим совершенствовал навыки пулевой стрельбы. Уроки фехтования он находил полезными, но после изобретения пороха шансы клинка против пули упали неизмеримо.

Для удачного выстрела требовалось то, о чем когда-то говорил ему Берантес – выстроить идеальную линию между собственным глазом и тем местом, которое примет свинец. Путем тысячных повторений избавиться от всего лишнего. Руки, пальца, лежащего на спуске, прицела, дыхания. Приговорив возможность к неизбежности.

Между тем, как это часто случается, первый серьезный пожар вспыхнул не там, где его ожидали. Прослав донжуаном, нужно быть готовым к выяснению отношений с роконосцами. И все же, Эуджениа Рамирес, супруга городского казначея, была последней из женщин, на которых мог остановиться выбор Кристобалья. Тем не менее, нашлись доброжелатели, нашептавшие мужу с три короба. И вызов был сделан публично, нагло, всецело показательно.

По кодексу о дуэли, синьор Рамирес обладал правом выбора оружия. Он предпочел пистолеты. Кристобаль смотрел на этого лысеющего заложника подагры, ничего не понимая. К чему жаждать кровопролития, не имея шанса на победу? Дуэль должна была состояться через три дня. Но уже следующим вечером, возвращавшегося домой Кристобалья внезапно оглушили булыжником сзади, и стоя прощелыг запинала его ногами почти до смерти. Посчитав бездыханным, тело сбросили с моста в реку. Он пришел в себя через двое суток, лицом в вонючей жиже на заиленном берегу. Очнулся от боли в ногах, потому что голодные крысы пытались обглодать его пятки. С невероятным трудом ему удалось открыть глаза. Дышать он почти не мог – были сломаны ребра. Раны сочились сукровицей. Утром на него наткнулся какой-то бродяга, и Кристобаль пообещал ему два реала, если тот поможет добраться домой.

Первое время он ходил под себя кровью. Левый глаз почти не видел. Кости срастались медленно и очень болезненно. Ему понадобилось больше полугода, чтобы оправиться. Кристобаль истратил все свои сбережения на докторов с их целительными микстурами и припарками. Прислуга, умеющая ухаживать за больными, тоже обходилась недешево. Когда зрение восстановилось, а пальцы обрели прежнюю гибкость, ему ничего не оставалось, кроме как вернуться за карточный стол. За карточный стол в салоне, принадлежавшем, по слухам, графу Виньоле, где он впервые встретил Гонзалеса.

Многие в Мадриде предпочитали обходить его стороной. В свои неполные двадцать, этот выскочка уже стал причиной многих скандалов. Он слыл отъявленным игроком. Азартным, склонным и неспособным остановиться. Сынок богатых и влиятельных родителей, Гонзалес мог вспыхнуть по любому поводу и все, кто попытались пресечь его гнев, дорого за это заплатились. Сам юнец ничего не представлял из себя как дуэлянт. Но всюду, где он появлялся, за ним вечной тенью следовал нанятый папашей профессиональный бретер Умберто Китана. Угрюмый, беззвучный, неотвратимый. Человек, которому за его недобрую славу привесили прозвище «Палач».

Закон разрешал дуэльный поединок до первой крови. Вынимая клинок из ножен, Китана на свой вкус решал, будет ли эта кровь большой или малой. Уколом шпаги он мог оставить противника инвалидом до конца его дней. Ослепить, обездвижить. Один из его коварных трюков заключался в ударе в бедренную артерию. Находясь в правосторонней стойке, противник

успешно отбивал выпад в область шеи и вдруг, почти в самом низу Китана придавал опускающемуся клинку проникающий импульс. Легкий укол, почти царапина. Из которой к ужасу обреченного начинала фонтаном бить кровь, и он ничего не мог с этим поделать. Если выбор останавливался на саблях, Палач, забавы ради, мог отсечь филейную часть бедра, нос или ловким скольльзящим ударом стесать кусок скальпа. Он плодил уродов и калек десятками. На потеху молодому хозяину, который неутомомно выискивал все новых и новых жертв.

Тем вечером за столом было шестеро. К концу партии их осталось уже трое, а часом позже Кристоаль оказался последним и единственным соперником Гонзалеса. Он знал с кем играет. Он был педантично вежлив и расчетлив. На кону стояла внушительная сумма. Фортуна улыбалась ему. Нужные карты приходили одна за другой, и проделывать трюки не было никакой надобности. Он играл чисто. Когда исход партии стал очевиден, Гонзалес внезапно вскочил, швырнул свои карты в лицо Кристоалю и, громко обозвав его шулером, потребовал снять пиджак.

– Я не привык раздеваться перед мужчинами, – ответил Кристоаль.

Глядя на хама, он ни на секунду не выпускал из поля зрения черное пятно за его спиной. Гонзалес не унимался:

– Шулер не лучше шлюхи. А по мне, так даже хуже.

– Люди правы. Вы дурно воспитаны.

– Мне наплевать, что говорят обо мне другие.

– Напрасно. Отныне вам придется прислушиваться.

Сказав это, Кристоаль улыбнулся своей располагающей улыбкой. Он привстал, вытянул руки ладонями вверх, по направлению к Гонзалесу, как бы открывая на обозрение манжеты. Встряхнул ими. Внезапно в правой руке его блеснул металл. Кристоаль тотчас поднес его к щеке Гонзалеса. Раздался щелчок. Пуля шумно разорвала ушную раковину выше мочки и плеснула обжигающим порохом на всю левую половину лица. Гонзалес испустил кромешный вопль. В то же мгновение Китана, позади него, едва вскочив со стула, рухнул на пол и стоная, отполз к стене, зажимая рукою живот. Публика оторопела. Гонзалес скулил, заливая карты, сукно и деньги кровью. Никто не смел пошевелиться. Кристоаль бесшумно вышел на улицу и растворился в ночи.

Его искали четыре месяца. Полиция сбилась с ног, подключив местную агентуру и стукачей-уголовников. В соседней квартире круглосуточно дежурила засада. Всюду, где он имел привычку появляться, были расставлены люди. Его друзей, знакомых и всех, кого он знал, оповестили, что в случае его появления, они обязаны срочно оповестить об этом представителей власти, во избежание тюремных сроков. Назначили награду тому, кто укажет, где скрывается преступник. Но все было напрасно. Кристоаль Алиендэ как будто провалился сквозь землю. Многие посчитали, что он давно покинул страну.

Некоторое время спустя один из следователей, прогуливаясь по рынку на Плаза де Каскорро в воскресный полдень, обратил внимание на дешевые пейзажи, которыми торговал старьевщик. Картинки были сделаны топорно, быстро, без претензии на высокое искусство, но что-то в них подкупало. Еще раз пересматривая в участке изъятые на квартире Кристоаля рисунки, он узнал авторский почерк и заметил странную деталь: одинокая чайка. На рисунках, выполненных грифелем и в базарных акварелях часто попадался силуэт птицы, парящей на заднем плане. Старьевщик тотчас признался, что картинки ему приносил мальчик. Но в указанный день никто не пришел. Тогда следователь велел расставить все нераспроданные акварели вдоль стены и обвел их долгим, внимательным взглядом.

– Что ты видишь? – спросил он у своего молодого коллеги

Тот напрягся и затем недоуменно повел плечами.

Следователь улыбнулся:

– Третья, пятая и одиннадцатая. Тот же ракурс. Вид на бухту. Он рисует с натуры. И он все еще здесь.

С крошечного чердака над китайским борделем и вправду открывался чудесный вид. Особенно на закате. Ожидая, когда власти снимут усиленные посты на выездах из Мадрида, Кристобаль вел ночную жизнь. Днем он рисовал или отсыпался. Если бы не морской бриз, эта комнатуха могла бы превратиться в духовку. Ее хозяйка – китайка по имени Нуо – согласилась на скромную оплату. Она работала в покоях внизу. Отдельный вход со двора давал возможность Кристобалью оставаться незамеченным, когда он спускался по длинной винтовой лестнице. Если клиентов не было и в особые дни, Нуо поднималась к нему. Они устраивались на широкой тахте и смотрели на залив. Иногда поздним вечером она приносила с собой «волшебную» лампу. Они курили гашиш и смотрели, как спроецированные зажженной свечой, по косому потолку летали огненные драконы, пытаясь пожрать друг друга.

Однажды ночью она взяла его за руку и повела вниз за собой. В комнате, среди картин и, кресел, она наполнила вином бокалы. Пока он пил, она раздела его, целуя. И подтолкнула в спальню. Кровать под узорчатым, полупрозрачным балдахином благоухала свежим бельем. Нуо, не переставая ласкать, расположилась над ним. Ее золотой кулон в виде ракушки, спускался к нему, едва не касаясь лица, и снова удалялся. Но там, за дверью внизу, уже стучали сапоги жандармов. Перепуганная хозяйка заведения подняла крик. Раздался дьявольски громкий стук. И прежде чем Нуо ответила, те, кто был по ту сторону, принялись высаживать двери. Кристобаль даже не успел одеться. Он схватил первое, что подвернулось под руку. Глубокой ночью, в мавританских туфлях с загнутым носом и пестром персидском халате, он выбрался на крышу и сбежал в порт.

Три дня спустя на английском королевском фрегате Георг Первый обнаружился безбилетник. Судно держало курс на Хибару. Кое-кто из команды предложил выкинуть его за борт, да и дело с концом. Но несмотря на дикий внешний вид, незваного гостя накормили и дали переодеться. Капитана подкупил благородный взгляд беглеца. Ему велели держаться подальше от пассажиров, помогать кочегарам и драить галюны на правах младшего юнги. Благо, костюм моряка пришелся ему впору. Почти неделю Кристобаль добросовестно кидал уголь в топку. Где-то посредине Атлантики главный котел раскалился и дал дрозда. Вал замер, поршни остановились. Починка требовала условий дока, и остаток пути пришлось проделывать под парусами.

Миновав тридцатый меридиан, они угодили в чудовищный шторм. Фрегат заливало водой и кидало по волнам, как щепку. В коридорах и на кубрике стоял запах блевоты. При убранных парусах капитан пытался избежать боковой волны, а когда ему это не удалось, удар оказался такой силы, что судно смертельно накренилось, скрепя всем своим нутром. Вода хлынула отовсюду. Кто-то в панике бросился на верхнюю палубу и был смыт за борт. Ветер сломал Грот-мачту. Внизу раздавались крики отчаяния. Видя, как прибывает вода, Кристобаль выбрался наружу. С трудом добравшись до середины, насквозь промокший, пристегнул себя к трубе рангоута широким ремнем и припал щекой к металлу. Зажмурившись, он не переставая шептал что-то мокрыми губами, дрожа от холода и страха, пока не лишился чувств.

Их обнаружил греческий барк.. Судно со сломанной мачтой – и уцелевшими, но бесполезными при полном штиле двумя оставшимися – дрейфовало по воле волн в пятидесяти милях от обычного курса, уповая на милость Божью. После шторма не досчитались пяти пассажиров и старпома. Чтобы как-то поднять дух, капитан привлекал всех выживших к ремонту, не зависимо от регалий. Среди прочего, Кристобалью выпало убираться на мостике. Он очистил пол и в самом углу наткнулся на черный комок, похожий на мертвого морского ежа. Кристобаль осторожно взял его в руки.

Под слоем влажных водорослей оказался треснувший, разбухший, искореженный переплет корабельной Библии.

IV

Сиротский приют Святой Касильды был открыт в Баямо в 1861 году по распоряжению центральных властей провинции. Один из местных аристократов, пожелавший провести остаток своих дней на родине в Наварре, пожертвовал на эту благородную цель свой особняк. Дом располагался на Почтовой улице, по соседству с Управлением земельных дел и цирюльней.

Директором приюта назначили Фелисио Гомеса. К тому времени ему было за сорок. Он успел сделать карьеру в Департаменте образования, которую сам же и погубил, пристрастившись к спиртному. Назначение в Баямо он воспринял, как ссылку. После бульваров Сантьяго-де-Кубы, с вынесенными в пальмовую тень столиками кафе, океанским бризом и шляпками обворожительных незнакомок, провинциальной городок показался ему пустыней. Супруга и двое его детей тоже были не в восторге от такого переезда. Гомес находил должность смешной, а жалование, прилагаемое к ней, унижительным. Он пил и злился. В доме, который ему выделил муниципалитет, постоянно вспыхивали скандалы. Супруга в тысячный раз упрекала его в отсутствии грани. Он умолял ее на коленях, в духе «что есть грань?», и звучало это так, словно он молил дать ему опору, чтобы сдвинуть Землю.

Дети приюта были живым напоминанием о его погибшей карьере и предвестием надвигающегося краха семьи. В душе он всех их ненавидел. Штатное расписание предполагало трех воспитателей, кухарку с помощницей и садовника. Гомес взял двух старух, одна из которых согласилась стряпать, договорился с одним малым о регулярной обрезке кустов и отчитался о закрытии кадрового вопроса. Разница, естественно, пошла в его карман. Воспитанников он кормил бурдой и держал в черном теле. Поскольку детское попрошайничество запрещалось законом, Гомес придумал обходной маневр. Самых младших он наряжал в праздничные платья и по двое расставлял на площадях, парковых аллеях, а позже у ресторанов и банков – повсюду, где могла оказаться денежная, по местным меркам, публика. Они не просили. Девочки в шляпках стояли перед корзинкой с надписью «Приют Св. Касильды» и предлагали скромные букетики из фиалок с жимолостью, которую для Гомеса специально рвал один бродяга из пригорода за бесценок. Старших он, по договоренности с ремесленниками, отдавал в наем, под предлогом обучения ремеслам. При этом сам повадился объезжать частные и публичные заведения не только в Баямо, рассказывая их председателям о печальной судьбе сироток и «нашем человеческом долге облегчить участь детей». Особо впечатлительных он даже привозил с собой. Чтобы они своими глазами посмотрели, в каких тяжелых условиях приходится вершить столь благие дела.

Словом, к концу третьего года директорства, Гомес переехал в собственный дом, обзавелся прислугой и возымел экипаж. Супруга его стала более снисходительна к слабостям мужа.

Жизнь сирот оставалась прежней. Кормили их из рук вон плохо. Нарядные платья отбিরали ежевечерне, заставляя переодеваться в старые изношенные вещи. За плохую выручку ругали и наказывали. Гомес и его приспешники играли роль скорее экзекуторов, чем воспитателей. После ужина детей запирали в спальнях, где они до утра были предоставлены самим себе. Книг в приюте не было. Читать никто не умел.

В сентябре тринадцатилетняя Летисия, самая старшая из воспитанниц, сбежала из приюта и расплакавшись, рассказала первой встречной женщине, чем ее заставляет заниматься господин директор по четвергам. Дама оказалась женой известного в Баямо стряпчего. Муж ее обратился в полицию. Гомеса арестовали в тот же день, но отпустили под письменное обещание явиться в суд. Параллельно с уголовным разбирательством, муниципалитет возбудил всеобъемлющую проверку деятельности директора приюта. Тут же всплыли хищения и растраты. Инспектора не поленились провести встречные сверки с жертвователями и меценатами

и обнаружили истинные цифры присвоений. На суд Гомес не пришел. В день слушаний жена обнаружила его в петле за дверью домашнего кабинета.

Около месяца делами приюта занимался временный поверенный, а затем в доме на Почтовой улице появилась Рамона дель Торо.

Говорили, что ее далекий предок приплыл на одном корабле с Диего Веласкесом. Семья разбогатела на медных рудниках, но к концу восемнадцатого столетия стала поставлять испанской короне кадровых военных.

Рамона родилась в Гаване. Ее отец дослужился до генерала и занимал видное положение в табели о рангах гаванской знати. Оба брата Рамоны были офицерами. Поэтому, когда молодой капитан Родриго Скорта предложил юной девушке руку и сердце, ее судьба сложилась сама собой. Ей, идущей под венец, еще не было и семнадцати.

Несколько лет они прожили в предместьях Гаваны, а затем муж был откомандирован на континент, и им пришлось перебраться в Севилью. Они поселились в маленьком доме на берегу реки, утопающем в зелени сада. По утрам их будили птицы и запах цветов проникал в дом душистой пеленой вместе с дымкой. Рамона была беременна первенцем, когда Родриго отправился со своим полком в Бискайю и там, руководимый отважным генералом Бальдомеро Эспартеро, сразился с карлистами. В первом же бою он погиб. Неделью спустя ей принесли известие о смерти, и она почувствовала, как жизнь покидает ее вместе с отошедшими водами. Она помнила, что в диких муках пыталась исполнять приказы повитухи, и безумная боль разорвала ее изнутри. А когда снова открыла глаза, рядом с ней, в просторной белой комнате, залитой солнцем, сидел незнакомый мужчина в белом халате и держал ее за руку, измеряя пульс.

– Ну вот и славно, – произнес он, улыбнувшись.

Его звали Винсенте дель Торо. Он заведовал акушерским отделением Больницы Святого Доминика. И был старше ее на пятнадцать лет. После того, как привезли истекающую кровью Рамону, ординатор приемного покоя, осмотрев ее, велел оставить в коридоре, как безнадежную. Было слишком поздно. Ребенок умер. Еще недавно связанный с ней пуповиной жизни, теперь он невидимой пуповиной смерти звал ее за собой, и она не сопротивлялась. Дель Торо буквально выпарапал ее с того света. Он знал, что поступает, как мясник, которого вскоре проклянут. Но у него не было выхода.

Период ухаживаний совпал с vychаживанием. Дель Торо тоже был вдовцом, слишком тяжело пережившим утрату, чтобы задумываться о новой партии. К тому же, врачебная этика. Эту девочку можно было понять. Она видела в нем отца. Заботливого друга. Он часто ловил себя на том, что думает о ней и испытал подлинное облегчение, когда экипаж с окрепшей пациенткой наконец выехал из больничных ворот. С глаз долой, из сердца вон.

Через два месяца он примчался в Гавану, похудевшим, с нездоровым блеском в глазах, и опустился перед ней на колени в гостиной ее отца. Старый идиот. Мальчишка. Спасший ее жизнь, навсегда отобрав будущее. Она не знала, любит ли его. Потеряв мужа и сына, она, прибывая в тумане повседневных забот, просто плыла по волнам. Он обещал позаботиться о ней. И она пересела в его шлюпку.

Винсенте дель Торо был одним из первых врачей, осознавших важность антисептики. В те времена, акушеры не редко входили в родовую после препарирования трупов, просто вытерев руки о носовой платок. Доктор Земмельвейс в Будапеште заставлял своих коллег опускать руки в раствор хлорной извести и добился внушительных результатов. Смертность рожениц от сепсиса уменьшилась в семь раз. Дель Торо предложил тщательно мыть руки щелочным мылом и протирать их спиртовой настойкой. Последствия оказались просто поразительными. Ему предложили кафедру в Парижском университете, и семья переехала в Иль-де-Франс.

Жизнь во Франции разительно отличалась от всего. По сравнению с солнечной Гаваной, медлительной Севильей, Париж бурлил. Никогда еще Рамона не видела такого количества горожан, экипажей, омнибусов. Город проглотил ее, не заметив. Поначалу Винсенте был загру-

жен работой с утра до позднего вечера, и ей пришлось самой налаживать быт. Зато на выходных они оправлялись гулять по Монмартру, пробовали выпечку в хваленых кофейнях на бульваре Сен-Дени или на целый день уезжали в Булонский лес. Винсенте был нежен и заботлив. Его возраст придавал любви мудрость, но не мешал терять голову рядом с ней. Пропустив волан, измазавшись кремом, сев на шляпу, он хохотал вслед за Рамоной. И однажды, после такого хохота, откашлялся кровью в платок.

Оказавшись в неполные тридцать дважды вдовой, Рамона еще несколько лет прожила во Франции. Она познакомилась с Симоной Огюстен, одной из первых французских суфражисток и прониклась симпатией к их делу. Коль скоро ни женой, ни матерью ей стать решительно не удавалось, она подумала, что быть может, женщине на этом свете уготован иной удел, более благородный. К примеру, стать независимой. В этом был шарм и общественный вызов. Она стала посещать собрания, разносить прокламации. Увы. Вскоре она убедилась, что ее втянули в игру, не имеющую смысла. Все эти многословные барышни, гордые амазонки в платьях от лучших кутюрье, мгновенно теряли голос, попадая в орбиту влиятельных мужчин и, как собачонки, устремлялись на поиск удачной партии.

Там, в Париже она повстречала Рафаэлу Кайо, сестру Габриэля, друга далекого гаванского детства. Они стали переписываться. Позже к ним присоединился и сам Габриэль. В Сантьяго-де-Куба он уже несколько лет возглавлял Управление общественной помощи. Рамоне казалось, что письма, приходившие с родины, пахли манго, океанской солью и табаком. Когда Габриэль, вскользь упомянул о вакансии директора детского приюта в Баямо, синьора дель Торо поступила, как настоящая суфражистка. Она решила стать хозяйкой своей судьбы. Ее образования и опыта жизненных трагедий для этого хватало с лихвой.

V

Первое, что она сделала, – распорядилась спилить решетки на окнах. Старух рассчитали. Вместо них, по личной просьбе префекта, из монастыря Святых Блаженных Марии и Иосифа прислали двух сестер-кармелиток. Пришлось пригласить врача. Дети были завшивлены и запущены. Здание нуждалось в ремонте, поскольку со времен его первого хозяина здесь ничего не менялось. Старые обои на стенах выцвели и кое-где свисали огромными лопухами. Потолки почернели. Лепные амуры напоминали детей истопника.

Не дожидаясь ассигнований из казны, новая директриса наняла маляров за свой счет. Обои содрали и сожгли. Стены подрехтовали и окрасили в светло-кремовые тона. Когда ведра, лестницы перенесли из большого зала, и, проутюжив скребками дюйм за дюймом, а затем нате-рев мастикой, вернули к жизни старый паркет, – она привезла пианолу и большой книжный шкаф.

В приюте жили семнадцать сирот – девять мальчиков и восемь девочек.

Самому старшему – Хьюго Моралесу – исполнилось десять. Самой младшей – Марии-Луизе – два. Кроме них тут были оставшиеся сиротами после пожара трехлетняя Алисия Фуэнта со своим старшим братом Диего (7), Пабло (3), Бонита (6), мальчик без кисти на правой руке Даниэль (8), Филомена (9), чьи родственники умерли от холеры, Хавьер (7), Мартина (7), Мигель (6), родившаяся в тюрьме Сантина Наварро (9), Габриэла Карлос (8) с родимым пятном на пол-лица и пятилетняя Эмма.

Дети-подкидыши, больные, нагулянные, осиротевшие, нежеланные и те, кто прежде чем попасть в приют, долго бродяжничал. У многих не было фамилий.

Рамоне дель Торо удалось создать попечительский совет. После того, что натворил ее предшественник, паразитируя на человеческих чувствах, было это совсем не просто. Но на помощь снова пришел Габриэль Кайо. С его легкой руки в совете, один за другим, оказались мудрые и влиятельные люди, готовые не только сочувствовать, но и осязательно поддержать. Что было исключительно важно, ибо бюджет, выделяемый казной, оставался весьма скромным, позволяя закрывать лишь самое необходимое.

Перемены коснулись всего. Вместо однотонной бурды из злаков с тертой морковью, необъятная, вечно смеющаяся Лусия Ортега, принесла с собой звон кастрюль и сковородок. Запахи, от которых начинало сосать под ложечкой не только у соседей клерков из Управления земельных дел и клиентов цирюльни, но и у случайных прохожих. Готовила она божественно, и что не менее важно – умела сочетать и разнообразить. От мадурос – сладких жареных бананов – до рагу из бычьего хвоста и флангов с подливками, которые дети вылизывали до глянца. Однажды Рамона даже попросила ее уменьшить порции. Синюшность лиц прошла, суставы спрятались. Дети начали бродить, как сонные мухи. Дальше нужно было двигаться спокойно и размеренно.

Внутренний двор приюта, который раньше напоминал пустынный кастильский пейзаж, обрамленный редкой порослью самшита, претерпел невиданные метаморфозы. Старик Эрнесто, всю жизнь проработавший в имении у графа Вальдеса, и ушедший на покой по возрасту, был рад применить свои знания и оставшиеся силы в камерном пространстве. Он работал не покладая рук. Земля была сухой. Бог знает, сколько тачек с жирной почвой ему пришлось привезти и мульчировать, прежде чем вокруг дававшего целительную тень и прохладу столетнего платана зазеленел сочный, английского типа, газон. По всему периметру он разбил цветники, клумбы и альпинарии. Сохранив при этом место для игр и прогулок. Древняя, покосившаяся беседка в ближнем углу была отремонтирована, перекрыта черепицей и заново покрашена. Появились не виданные прежде птицы. Ранним утром и глубокой ночью сад наполнялся благоуханием цветов. Эрнесто подбирал их не столько за броский вид, сколько за обла-

дание особым, неповторимым ароматом. В этом неземном изобилии бабочки, прекратив порхать, надолго задумывались, смежив крылья, а жадные пчелы теряли разум.

Окна угловой комнаты, выходившие в сад, были постоянно открыты. Кто-то из посетителей, приглашенных Гомесом, когда-то назвал ее Комнатой скорби. В этой части приюта жили дети-инвалиды и присматривавшие за ними монахини.

Самым тяжелым из них был девятилетний Хуан, прозванный детьми Королем за то, что никак не мог расстаться с бумажной короной, надетой ему много лет назад в шутку на Рождество. Картон давно обветшал. Позолота на нем стерлась. Но любые попытки лишить его короны заканчивались истерикой. Худой как жердь, он не держал головы, не мог сосредоточить взгляд, и конечности его жили своей, не связанной между собой, жизнью. Мозг трехмесячного ребенка остался в нем навсегда. Хуан никогда не покидал кровати, монахиням приходилось ежедневно, по нескольку раз мыть его и перестилать постель. Говорить он не мог. Кормили его с ложки. Хуже всего было ранней весной и осенью, когда болезнь обострялась. В такие дни он истерил, пока сестра не давала настойку беладонны и он в изнеможении проваливался в забытие. Обычно же он вел себя тихо. Иногда ранним утром из комнаты доносились стоны – это Хуан радовался солнечным бликам на потолке.

Жившему рядом с ним Фернандо исполнилось восемь. Это был умный, любопытный и наблюдательный мальчик, который не мог ходить. Нижняя часть его тела была парализована. Несмотря на это, он не сдавался, стараясь все делать сам. Он умел мастерить поделки из дерева, а когда Рамона научила его читать, стал глотать книги одну за другой, постоянно выпрашивая добавки.

Третьим был застенчивый Паскуаль. В свои семь лет, он являл образец послушания. Его можно было посадить на стул и, вернувшись через три часа, застать там же, в той же позе, глядящим перед собой. Паскуаль был нем. Припадки Хуана он переносил стоически, с полным безразличием. Как впрочем, относился ко всему, что происходило вокруг. Наблюдая за ним, Рамона предположила, что за этим непритязательным фасадом кипит какая-то иная жизнь. Однажды она принесла бумагу, карандаши и оставила на подоконнике. Без изменений. Тогда она, у него на глазах, нарисовала контуры кота. А когда вернулась на следующий день, кот был педантично окрашен в голубой цвет. С тех пор Паскуаль мог рисовать, не переставая. Другой его страстью стало собирание открыток. Любой рисунок, разрезанный на сотни мелких кусочков, он мог сложить за несколько минут, даже если смотрел на него в первый раз. Он видел то, чего не могли видеть другие.

Комната монахинь располагалась по соседству. Старшая, методичная, недалекая, но трудолюбивая Урсула ухаживала за лежащими заботливо и дотошно. Благодаря ей удалось победить доставшиеся в наследство от времен Гомеса пролежни Хуана, из-за которых тот едва не погиб. Сестра Урсула носила очки. Вставала она ни свет ни заря. Час выстаивала на коленях в молитве. Затем еще около часа посвящала чтению сборника поучений. Компедиум был большим и тяжелым. Сестра Урсула не могла носить его с собой, чтобы читать при случае. Поэтому, оказавшись в приюте, она, каждое утро делала заметки на отдельных листах, которые стопкой прятала в переднике. Если кто-либо из воспитанников начинал донимать ее заумными вопросами или высказываться неподобающе, стопка тут же опускалась на голову несчастного. При этом сестра строго напутствовала: не богохульствуй!

Младшая из сестер, Изабель, наоборот была легка и мечтательна. Девочки с первого дня потянулись к ней. Когда Рамона привезла из больницы трехлетнюю Лию – слепого, безногого, запущенного ребенка, почти не говорившего по-испански, которого моасские цыгане возили по ярмаркам и церковным папертям, а когда она заболела пневмонией, бросили умирать в кустах на городской окраине – Лия прижалась к Изабель всем, чем могла. И не хотела отпускать. Она ела и спала рядом с ней. Даже после того, как в комнату к сестрам поставили кровать для девочки, она засыпала с рукой, забытой на чужой подушке.

Рамона не унималась. Обновив стены, покончив с голодом и приюдев воспитанников за счет попечителей, нужно было как-то менять досуг. Дети, большей частью, слонялись без дела или играли в глупые уличные игры. Это никуда не годилось. Инспекторат общественных заведений помог ей раздобыть старые, но все еще пригодные, школьные парты. На стене в одной из комнат появилась большая черная доска. Рамона стала учить их грамоте. Поскольку прилежанием никто из них не обладал, первые уроки превратились в пытку, как для учителя, так и для учеников. Писать никто не хотел. Они предпочитали слушать. То и дело вспыхивали перепалки, и Рамона, срывая голос выгоняла заводитилу вон. Малыши нередко давали фору старшим. В целом же, обучение продвигалось медленно и бессистемно. Однажды Рамона пришла к осознанию того, что разорваться она не сможет. Слишком много дел приходилось ей вести. Всюду поспевать не удастся. Приюту нужен был учитель, который проводил бы занятия регулярно, по основным школьным дисциплинам.

Каждый день Рамона и монахини читали книги в слух. Сестра Урсула отдавала предпочтение Евангелиям. Рамона – сказкам Гауфа и Перро. Сестра Изабель любила рассказывать длинные поучительные истории из житий святых. Таких историй в ее девичьей голове накопилось великое множество, и она не редко путала персонажей, отправляя Святого Христофора в пещеру ко львам.

В дальнем углу сада, у каменного забора, росла карликовая магнолия. Ствол ее был искривлен и покрыт наростами. Но цвела она божественно. Склонная к экзальтации сестра Изабель видела в этом символ страданий Господа. Она же поведала детям о Святой Касильде, чьим именем был назван приют. Собираясь тайно отнести еду брошенным в темницу христианам, святая была остановлена собственным отцом. Он потребовал показать, что она прячет. Касильда расправила складки платья. И на землю, к ногам отца, упали цветы. По легенде это были розы, но Изабель упомянула магнолию еще и потому, что в ее восприятии это каким-то образом было созвучно Марие Магдалине. Так было положено начало тайному паломничеству к цветущему дереву. Девочки собирали его лепестки. Прятали под подушки и простыни, загадывая желания.

За все время существования приюта, лишь один его воспитанник был усыновлен. Речь шла о Летисии, пострадавшей от директора Гомеса. Ей спешно нашли троюродную тетку и отправили в Санта-Крус-дель-Норте. Но это не мешало многим из них, особенно малышам, верить в то, что однажды откроется дверь и появится тот, кто заберет их отсюда навсегда. Поэтому всякий раз, когда в приюте оказывался редкий посетитель, дети высыпали шумной гурьбой в коридор. И внезапно стихнув, внимательно высматривали – не он ли.

Именно этот взгляд ощутил на себе Кристоаль Алиендэ, когда впервые переступил порог сиротского дома.

VI

Корвет причалил в бухте неподалеку от Пуэрто Падрэ. Две недели спустя Кристобаль очнулся в одном из обшарпанных номеров на постоялом дворе. Солнечный луч проникал сквозь щель в ставнях Кристобаль встал с кровати. Подошел к комоду. В старом поцарапанном зеркале он увидел худого, небритого, изможденного мужчину, в морских обносках, почти старика. Кристобаль устало ухмыльнулся. Ему едва перевалило за тридцать.

Денег, которые дал капитан, разделив багаж утопленников, хватило чтобы справить хоть какое-то, более-менее приличное, платье, побриться, привести себя в порядок и добраться до Баямо. Он рассчитывал устроиться куда-нибудь на подхвате. Куда угодно, лишь бы можно было прокормиться и перевести дух. Объявление о месте учителя, привлекло его обещанной отдельной комнатой и возможностью бесплатно столоваться. Он решил рискнуть.

К чести Рамоны дель Торо, у нее был тонкий, наметанный глаз и она сразу распознала, какого рода птица возникла перед ней. Костюм с чужого плеча был немного великоват. Кристобаль говорил несколько путано и избегал прямого взгляда. Несмотря на все это, ему удалось сохранить ясность мыслей и благородную осанку, а словарного запаса было достаточно, чтобы убедить Рамону попробовать. В конце концов, соперников у него не было. Синьора дель Торо могла и дальше играть в высокую честь, но правда состояла в том, что за три месяца Кристобаль был первым, кто обратился за должностью.

Комната оказалась маленькой и без удобств, если не считать крошечного умывальника в углу. Для естественных нужд Кристобаль должен был пользоваться приютовской уборной. Зато имелся отдельный вход с улицы. Общая стенка с цирюльней была настолько тонкой, что иногда он мог слышать, как бубнил или напевал цирюльник прижигая кому-то усы.

Договоренность была следующей. Кристобаль обязался обучать детей арифметике, началам истории и географии. В то время, как Рамона оставила за собой чтение и навыки письма. Небольшое жалованье подлежало выплате раз в месяц. Хотя сироты были приучены собираться вместе и сидеть некоторое время, не издавая посторонних звуков, Кристобаль вскоре осознал, что ему приходится иметь дело с классической *tabula rasa*.

Дети старшего возраста отнюдь не были умнее или восприимчивее. Наоборот, научить их чему-то оказалось гораздо тяжелее. Видимо, оттого, что подходящее время для этого было однажды упущено, а наверстывать, как известно, в разы труднее. Малыши наоборот, готовы были впитывать как губки, но и подавать знания им нужно было в ином, более доступном для них, ключе. И первые и вторые очень быстро утомлялись. Могли собраться, но ненадолго. А когда Кристобаль попробовал надавить и пригрозил наказаниями, все вместе ошетинились и ушли в глубокий отказ. Кристобаль обвел долгим взглядом этих насупившихся, сердитых горе-учеников, годных лишь на то, чтобы давать шелбаны друг другу, ржать и клясться самым страшным – «адской смертью», и на ум ему пришло одно единственное слово: зверьки.

Он был скверным педагогом. Честнее было сказать, что учителем он не был вообще. Ему не хватало ни выдержки, ни внимания. Поэтому все свелось к тому, что он из под палки отбатывал то, за что ему так же плохо платили.

С самых первых уроков главной занозой на пути обучения оказался Хьюго Моралес, по прозвищу «Шершень». Кличку ему дали не только за излишнюю ядовитость, но и за то, что он, подволакивая правую ногу в сад, шуршал травой. Моралес был самым старшим мальчиком в приюте. В свое время он не раз выводил из себя директора Гомеса, за что провел множество часов в темной кладовке. Остальные ребята делали то, что говорил им Шершень. Он мог кашлянуть посреди урока и все, по уговору, начинали пялиться на потолок. Или поднять неимоверный галдеж. Кристобаль не раз раздумывал, как сломать хребет этому паршивцу, пока Моралес не совершил страшную оплошность.

Однажды Кристоаль увидел в его руках колоду карт. Он подошел к парте и протянул руку. Шершень неохотно отдал ему колоду. Кристоаль попробовал тасовать и намеренно просыпал несколько карт на пол. Класс рассмеялся. Расплывшийся в довольной ухмылке Шершень съязвил:

– Сыграем, господин учитель?

И они сыграли. Кристоаль пришел в полночь с подсвечником. Партия состоялась в классе, на учительском столе, вокруг которого столпились все старшаки. Перед началом он положил несколько ассигнаций и вопросительно взглянул на Хьюго. Тот достал из-за пазухи сложенную вдвое купюру. Начали по-маленькой. Кристоаль проиграл почти все, изучая, какие фокусы знает противник. А затем разделал его, как мясник индейку. Оставшийся без рубашки Шершень протянул какое-то краденное кольцо, но Кристоаль зло рассмеялся:

– Если хочешь отыгаться, играй на рабство.

В итоге, Шершень стал рабом и, опустившись на колени, перед лицом молчаливых товарищей, той же ночью поклялся «адской смертью», что отныне будет выполнять все, что пожелается его господину – синьору Кристоалю Алиендэ. Господин отдал рабу его рубаху, деньги и отправил спать. Ко всем чертям.

Отныне одного взгляда Кристоаля было достаточно, чтобы ученики становились шелковыми. Уроки забирали меньше нервов, и это позволило ему сосредоточиться на том, ради чего он появился в городе.

Если Гавану принято было считать провинцией Мадрида, то Баямо был провинцией провинции. Большой, по местным масштабам, город сохранял свой патриархальный уклад. Оправившись после морских приключений, Кристоаль завязал кое-какие знакомства среди баямской знати. Провинциальный обыватель чувствовал в нем породу. То, как он говорил, как двигался, ход его мыслей были приметой столичных птиц. Появление столь образованного человека в «нашей глуши»...

Когда его спрашивали об этом, он не моргая, с выражением тоски в глубоких карих глазах, говорил, что устал от столичной суеты и приехал в Баямо развеяться, а заодно научить грамоте детей-сироток. Эта фраза, в сочетании с ладно сидящим костюмом, сражала сердца местных матрон наповал. В Баямо было несколько приличных заведений, где играли на серьезные, по здешним меркам, суммы. Кристоаль стал их завсегдатаем. Он мог бы разорить целые семьи, но предпочитал собирать яйца золотых кур, а потому регулярно проигрывал, чтобы не вызывать подозрений. Обычно партии затягивались за полночь. Затем он отправлялся в гости к очередной пассии, а если таковая отсутствовала или была занята, то в клуб, варьете или подпольный бордель. Из чего можно легко заключить, что в приют он возвращался во всей красе – невыспавшимся, небритым, со следами ночных утех.

Первой на это обратила внимание сестра Урсула. Как и полагается бдительной католичке, она не могла пройти мимо вопиющего факта и поделилась с директрисой. Рамона немедленно посетила урок. Кристоаль не был пьян, но от него явно слышался запах спиртного. Она увидела и то, чего не заметила монахиня – большой пунцовый засос на затылке. Что и требовалось доказать – мысленно сказала она самой себе.

В глазах Рамоны таким поведением Кристоаль позорил оказанное ему доверие. Формально, он отрабатывал деньги, но Рамона видела, что он относится к своему долгу спустя рукава. А едва она попробовала тактично ему указать, как он стал огрызаться едкими шуточками.

Неудивительно, что отношения между ними испортились.

Она считала, что подобрала птенца, выкормила его, и вот теперь, немного оперившись, эта птичка начинает клевать пальцы, из которых брала и берет крошки.

Он же чувствовал себя дворянином, у которого стащили одежду во время купания. То, что ему подвернулась добрая самаритянка, протянувшая крестьянские штаны – конечно,

похвально. Но это не значит, что, во-первых, он должен носить их, не снимая, а во-вторых, потакать всем ее прихотям по гроб жизни. Раз уж на то пошло, он уже давно мог себе позволить отказаться и от места, и от квартиры, а не делал этого только потому, что хорошо помнил о превратностях судьбы. Сегодня ты король, а завтра – нищий.

Рамона видела в нем типичный пример кобелирующей личности. Мужчину, который, в угоду своей похоти, готов обманывать и уничтожать. Для таких честь женщины – ничто. Обычно они немногословны, хитры и готовы на любые жертвы во имя своей темной страсти. Единственное чувство, которые они способны внушать рассудительным дамам – это брезгливость.

Кристобаль видел в Рамоне засидевшуюся вдову, возомнившую себя квочкой. Слишком привлекательную и умную, но в силу своего характера, склонную к излишнему самопожертвованию. Лечь на алтарь – дело ваше. Но не стоит требовать того же от других. Можно прекрасно печь, не вываливаясь в сахарной пудре. Ему казалось, что она часто отрывала от себя там, где этого совсем не требовалось. Быть может он обращал на нее меньше внимания, чем ей хотелось. Увы. Она была хороша собой, но он прибывал в том возрасте, когда мужчина уже не принадлежит порывам. Как старый опытный наездник: красивый круп еще заставляет поворачивать голову, но трясти чем-то в седле хочется все меньше.

После крупного выигрыша и жуткой попойки, Кристобаль однажды появился в приюте в изжеванных брюках с помятым лицом. Получасовые умывания помогли не очень. Он переоделся, почистил зубы и даже вставил сорванную по дороге гвоздику в петлицу. К своему несчастью, в коридоре он нос к носу столкнулся с сестрой Урсулой. Эта прозорливица снова увидела его насквозь: потаскуна-гуляку с куриным пером в волосах. Поэтому, когда посреди урока открылась дверь и сестра Изабель сообщила, что госпожа директор ожидает его немедленно в своем кабинете, он не удивился.

– Говорят, вы ночевали в курятнике? – с порога поинтересовалась Рамона.

– А... Вам уже донесли?

Кристобаль ощупал волосы и, вправду, обнаружил маленькое белое перо, видимо, от перины. Он осмотрел его внимательно, перед тем как промолвить на полном серьезе:

– Напраслина не к лицу Божьим слугам.

– О чем вы?

– Кому, как не сестре Урсуле понимать тайный язык знамений.

– Знамений? – переспросила Рамона

– Именно. Господь наш Иисус говорит: будьте просты как голуби и мудры как змии.

Видит Бог – я старался. Но змей во мне съел моего голубя.

Кристобаль поднес перо к самому носу и скосил на него глаза, покручивая в пальцах:

– Вот. Только что отыгнул перышко.

Когда он вышел, Рамона дель Торо отвернулась к окну и тихо выдохнула:

– Шут.

VII

На рассвете, 10 октября 1868 года, через три месяца после убийства табачного барона Хоакина Эстрадеса, дипломированный юрист и масон Кáрлос Мануэ́ль де Сэспедес дель Касти́льо собственноручно пробил в колокол на своей сахарной плантации Ла-Демахагуа.

По привычке, черные африканские рабы вяло потянулись из своих бараков к площади. Они ждали, что надсмотрщик, как всегда, распределит их по нарядам. Но его нигде не было. Вместо него у колокольного столба они увидели хозяина. В белой рубаше, в галстукe -бабочке он подождал, пока соберутся все. В толпе рабов прокатился непонятный ропот. Мало кто понимал, что происходит. Многие восприняли появление хозяина как недобрый знак и на всякий случай осмотрелись вокруг в поисках лестницы⁴. Когда тихий гомон прекратился, Сеспедес сделал несколько шагов вперед, обвел их глазами и произнес громко, чтобы услышали все, до последнего человека в дальних рядах: – Вы свободны.

Никто не пошевелился. Тогда Сеспедес сказал:

– Вы больше не рабы. А все мы, кубинцы, больше не будем рабами Испании. Те из вас, кому дорога свобода, кто готов освободить своих братьев, пусть выйдет и станет здесь, рядом со мной.

Когда он замолчал, десятки голосов в этой толпе перевели сказанное хозяином, и сначала один, затем второй, третий, четвертый приблизились к Сеспедесу. А потом все остальные огромной волной сомкнулись вокруг него.

Он повел их к Яре. Испанцы прознали о заговоре и оказались готовы к нападению. В жуткой бойне, с кольями против пуль и сабель, погибло много бывших рабов Сеспедеса.

Он сам чудом уцелел. Отступив с оставшимися людьми к речной долине, они перевели дух и исчезли, как уходят воды во время отлива.

Но волна вскоре вернулась. И на этот раз мощно и неудержимо. Через три дня после поражения повстанцы взяли восемь городов в восточной части острова. В каждом из них они разоружали испанские гарнизоны и теперь могли отвечать пулями на пули. Хуже того, бывший испанский кавалерист Гомес-и-Баэс обучал вчерашних рабов тактике смертельного боя мачете.

– Все вы умеете рубить тростник, – шутил он. – А теперь я научу вас рубить королевских солдат.

После каждой победы к ним присоединялось все больше и больше людей, и тот, кто с холма взглянул бы ночью на их лагерь увидел бы бесконечное множество костров, до самого горизонта, под шатром звездного неба.

Время восстания было выбрано не случайно. Оно стало прямым отголоском событий, произошедших на материке. Месяцем раньше, в сентябре, пал Кадис. Вернувшийся в Испанию из ссылки легендарный маршал Франсиско Серрано возглавил мятежные войска и повел их к Севилье. Он разбил правительственные силы в одном переходе от Кордовы. Остатки испанской армии перешли на сторону восставших. Узнав о поражении, королева Изабелла Вторая в начале октября спешно бежала из страны во Францию, под защиту Наполеона. Прежний режим пал. Испания была открыта переменам.

В Баямо уже полгода на всех столбах желтели расклеенные полицией портреты Франсиско Агилеры, бывшего городского мэра, магистра масонской ложи. Организованный им Революционный комитет Баямо был раскрыт. Испанцы арестовали многих его членов, но Агилере удалось скрыться. Богатый плантатор и сахарозаводчик, он тоже отпустил своих рабов, как это сделал Сеспедес, и даже выставил на торги все свое имущество, чтобы собрать деньги на борьбу за свободу людей острова. Его искали. Его ловили. Но поймать не могли. Не смотря

⁴ на Кубе рабов часто наказывали, привязывая к лестнице.

на обещанную награду в десять тысяч реалов, мудрый и хитрый Агилера распознавал любую западню и выбирался из нее невредимым. Коррумпированные жандармы дружно пожимали плечами.

Кристобаль проснулся оттого, что за окном приюта одна за другой грохотали телеги, груженные деревянными балками и мешками с песком. Он оделся и отправился завтракать. Первое, что бросалось в глаза – всеобщая сумятица. Второе- обилие мундиров. Офицеры и полицейские попадались на каждом шагу. У городских перекрестков спешно возводились мешочные баррикады и пропускные посты. Рядом обживались вновь прибывшие солдаты. Все это порождало неразбериху и настоящий транспортный хаос. Вozy с товарами отправляли в объезд. Возницы возмущались, солдаты грозили оружием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.